

П.А. НОВИКОВ

Полное собрание сочинений

Том 4

18+

Павел НОВИКОВ

Полное собрание сочинений. Том 4

«Автор»

2007

Новиков П. А.

Полное собрание сочинений. Том 4 / П. А. Новиков — «Автор», 2007

Том 4 из 5. Философские эссе в продолжение базовой работы «Человек, как он есть». Продолжения на поприще гносеологии («О самом первом») и социологии («Наше») в рамках всё той же классической школы философии.

© Новиков П. А., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Предисловие	5
О самом первом	6
Введение	6
Гносеологический оптимизм	8
Оправдание науки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Предисловие

Продолжение философии в части гносеологии и социальной философии. Оно и понятно, какой уважающий себя философ не распространит свою систему на сопутствующее? А что есть ближайшее, как не познание и социум? Разумеется, всё это в контексте общей теории предложенной в «Человек как он есть». Честно сказать, сейчас, когда я пишу эти строки, более чем через десять лет после написания «О самом первом» и «Наше», я почти совсем не помню, что я *там* писал. Это примечательно, по крайней мере, лично для меня. То ли не очень глобально, то ли память плохая. А скорее всего дело просто в том труде, который был во всю эту деятельность вложен. «Человек как он есть» осмысливался несколько лет, только его содержание составлялось несколько месяцев, и было проработано от и до. Тем более создание общей теории требовало штудирования множества литературы, анализа и обобщения, фоном чему было неумолимое самокопательство. А это всё не очень легко давалось. Социальная же философия и гносеология, являясь «всего лишь» прояснением той теории в специфических областях философии, требовала не более чем конкретизации под заданный контекст, что значительно проще. Однако, не следует путать «проще» и «легко».

К самим же эссе, как самостоятельным произведениям, относятся все те же самые вводные комментарии, которые я писал к «Человек как он есть». Та же философия, историческая база, стиль... Ничего принципиально иного. Единственное, что, может быть, стоит отметить, «Наше» писалось в период наибольшей озлобленности на мир, а потому и получилось наиболее «злым». Но уж что есть, то есть. Никогда не принимал сухости Канта, зато всегда радовался подаче Ницше. Хотя, справедливости ради, подача Ленина, например, мне кажется уже слишком наглой, даже как-то неприятно. Может я писал ещё неприятнее Ленина? Может и так. Ну да ладно, править я уже ничего не буду, так что неважно; что есть. Впрочем, это отступление. В остальном же особо и сказать нечего. Прошу знакомиться.

О самом первом

Введение

О чём эта работа? О многом и в то же время почти ни о чём. По ходу повествования будет подниматься и решаться достаточно много вопросов, но ключевых проблем здесь всего *две* (не смотрите, что разделов целых три, не считая дополнений). Первая проблема чисто гносеологическая (хотя и не без некоторой примеси онтологии); здесь мы будем говорить об основных проблемах данной «науки», т.е. о возможности познания мира, средствах его познания и, главное, о том, можем ли мы *знать*, или всё наше знание и гроша ломаного не стоит. Во втором разделе мы, в общем, будем продолжать ту же тему, но уже более конкретно. Конкретно означает о *науке*, ибо объективное познание и есть наука. Здесь акценты, несмотря на всё единство, смещаются, в сравнении с первым разделом, так что о втором разделе вполне оправданно можно сказать, что то есть философия науки, ибо специфика именно этой философии здесь налицо. На том мы о познании и закончим. Третий же раздел будет решать проблемы *самой* философии, и главным для нас здесь будет сказать, что, собственно, это за штука такая – философия. Замечу, что вы будете неправы, если скажете, что этот последний раздел тут не к месту. Конечно, для гносеологических проблем он практически индифферентен, но ведь проблема самоопределения философии существует, и где её решать, если не после решения проблем философии науки (а можно сказать – и метапроблем *самой* науки)? Благодаря этому третьему разделу мы обретаем некую целостность в понимании науки, определяя тем самым не только её чисто гносеологический фундамент, но и истоки её развития, становления, и, более того, отделяя её от всего *остального* (в т.ч. и философии). Так что, всё очень просто, ибо последовательно, а то, что не укладывается в эту последовательность, то есть в дополнениях; тоже, кстати, весьма интересные вещи встречаются.

Вы можете сказать, что все эти темы уже до такой степени избиты, что и говорить об этом как-то... знаете ли. Так-то оно так, о философии науки сейчас редкий дурак не говорит и эту пустозвонство, признаюсь, и мне порядком надоело. Но я скажу *иное*. В наше время, пропитанное скепсисом и пессимизмом (это я о среде философов говорю) науку хаотят все, кому не лень. Я не говорю здесь об антисциентизме, это скорее вопрос онтологии, морали, нежели гносеологии, я говорю о том, что весь XX век прошел под знаменем субъективного идеализма. Неважно, какое он принимает обличие, неокантианства или попперианства, по сути это всё равно субъективный идеализм. О чём он говорит? О невозможности познания мира; вся человеческая гносеологическая сила стала ничем. Но даже если течение (какое-то) и затруднительно назвать субъективным идеализмом, то оно практически в обязательном порядке и наверняка говорит о непознаваемости действительности. Я же говорю: *мир познаваем*. Более того, теоретически познать мир можно на все 100%. Почему? Читайте. Читайте и вы увидите не пессимистичное слюнтяйство, а могучий и победоносный гносеологический *оптимизм*! И, пожалуйста, не торопитесь с выводами.

Ещё скажу пару слов о философии. Если сейчас разговоры на эту тему поутихли (в сравнении с концом XIX – началом XX вв.), то не потому, что всё стало ясно, а только потому, что не стало Философов. Нет, бездарностей и историков философии, изображающих из себя Философов много, а вот настоящих Философов я что-то не встречал. Но это так, в целях подготвления. Если же говорить о месте философии, то оно, можно сказать, очевидно – это наука. Философия – это наука, и иное сейчас просто не мыслится. Но не мыслится *где*? Среди тех же ни черта не понимающих «философов». Однако в нефилософской (но от того не менее обра-

зованной) среде, философию почти никто уже за науку не считает. Проблема. Так на чьей же стороне правда? *Правду* я скажу вам ниже.

Отдельно скажу о моих методах, стиле и терминологии. Впрочем, что говорить о методе? Здесь он чисто философский – метод «размышлений на диване». Вчерашний день? Отнюдь. Несерьезно? Ошибаетесь. Беспочвенно? Совсем нет. Это *нормально*; обычный метод философии. Почему так? См. далее. Теперь стиль (он же манера) изложения. Да, манера наглая, самоуверенная и грубая, но что в этом плохого? Одно дело, если я говорю «Иван Иванович тупой, и *поэтому* он не прав» и совсем другое «Иван Иванович не прав, и *поэтому* он тупой». Чувствуете разницу? Если первое есть простейшая софистика, то второе всего лишь прямота. И если вы далее увидите софистику, немедленно прокляните меня, ибо, значит, я того заслуживаю, если же вам режет уши прямота (можно сказать и грубость), что ж, это проблемы ваших ушей и проклинать вам надо их, а не меня. В манере изложения идеалом для меня всегда были Кант, Штирнер и Ницше. Первый за свою четкость и последовательность, второй за простоту и доступность, третий за прямоту и потрясающую энергию. Отсюда, в манере моего писания лежат принципы: четкость, простота и прямота. А я очень даже мог перегнуть палку, и то там, то сям вы можете встретить урезанность, едва ли не дворовую речь и грубость (в паре с наглостью). Но я себя за то ничуть не виню, чего и вам советую. В конце концов, почему я должен говорить «*мы*», когда пишу всё это я? Почему я должен признавать правоту своих оппонентов (мол, существует много истин, смотря как посмотреть), если эти оппоненты говорят полнейшую нелепицу? И почему, когда какой-нибудь дурак несет откровенный бред, я должен писать «... человек, конечно, очень умный и достойный, но вот там-то и там-то *мы* с ним немножечко не согласны. Нет, вы не подумайте чего плохого. Этого замечательного человека *мы* очень уважаем и считаем, что все-то он говорит правильно, но вот здесь (бесспорно, это только *наше* субъективное мнение) он не совсем прав»? Как честный человек я просто *обязан* сказать: «Он дурак, и он несет полнейший бред». Грубо? Нагло? Самоуверенно? Может быть. Но зато честно и от души.

И совсем чуть-чуть о терминологии. Эта мания современного философа придумывать новые слова мне совсем не нравится. Придумывание слов – это не признак ума, а признак того, что сказать нечего. Мне же сказать очень даже есть чего. И придумывать какие-нибудь «фаллибализмы» и «пост-нео-несовсем-сверх-рациональности» я не собираюсь; не настолько я ещё отупел. Так же я не намерен использовать *пустые* термины, вроде эпистемология, экзистенция, сущность... Почему пустые? Да потому что нет в них никакой определенности; не кроется в них никакого смысла. Помнится, когда я хотел узнать, что же это такое «эпистемология», и чем таким она отличается от гносеологии, то увидел просто потрясающую картину: эпистемология определялась и как практическая отрасль и частность гносеологии, и как, наоборот, нечто большее, чем гносеология (причем непонятно, какое знание может быть больше знания), и как *научная* часть гносеологии и, наконец, как наука о *вере* (что вообще-то, более всего похоже на правду). Т.е., понятие это *совершенно* (и в высшей степени) неопределенное, однако каждый «философ» суёт его всюду, куда только можно. Я же буду пользоваться старой доброй гносеологией, а не показывать свою «умность» этим дурацким новомодным словом. То же и насчет экзистенции, которая хотя и переводится просто как «сущность», в этом прямом смысле её практически никто не использует. И сущность (а равно и весь эссенциализм), ибо и здесь нет ничего однозначного. Да, сейчас вполне в порядке вещей и даже модно жонглировать экзистенцией, диалектикой, субстанцией... безо всякого понимания того, что, собственно, говорится; вставляется это всё по принципу «лишь бы звучало умней», а вовсе не из надобности. Я же позориться не буду.

Что ещё не сказал? Вроде бы все. В таком случае, пора начинать.

Гносеологический оптимизм

Введение

Эта часть не только самая общая, но и, пожалуй, самая важная. На том, что будет сказано в этом разделе, будет строиться не только вся вторая часть, но даже, частично, и третья. Впрочем, вы уже наверняка просмотрели содержание и представляете себе, что за *истины* я сейчас открою (вот-вот, со страницы на станицу). Как видите, вопросы здесь самые общие, касающиеся пока только самой общей гносеологии: что есть бытие; как оно познается, и возможно ли его познание; из чего оно состоит...

Часть вопросов второй части можно было бы, конечно, рассмотреть и здесь, а именно, вопросы истины и происхождения, обусловленности познания, но я, как видите, этого не сделал. Почему? Я счёл такое изложение более целесообразным. В конце концов, общая гносеология решает вопросы скорее обыденного познания, нежели познания научного. Истина же есть по большей части категория именно *научная*, а потому «красивше» она смотрится именно в разделе философии науки. Генезис же познания и генезис науки так сильно связаны, что одно просто-напросто является продолжением другого (в смысле – наука есть продолжение обыденного познания), а потому и рассматриваться это будет в очень тесной взаимосвязи. Однако, смысл и происхождение науки есть вопросы особенные, а потому рассмотрение их *обязательно* (очень уж надоели все эти «ахи-охи» по поводу науки), в то время как происхождение и смысл знания заслуживает явно меньшего внимания.

Но то – всё объяснения и предостережения, теперь собственно о разделе.

Мы будем последовательны, причем последовательны до неприличия. Изначально оправдаем объективную реальность, потом скажем, почему, чем и как познание этой реальности происходит, а затем уже с головой окунемся в этот безумный и загадочный (читать с иронией) мир «вещей-в-себе». Здесь мы перво-наперво скажем, что эта вещь собой представляет, затем отметим всё то, что она из себя *не* представляет; далее поговорим о количественном описании этой «вещички» и в чем особенности этого количества; перейдем из области статики в область динамики, т.е. заведем речь о преобразованиях и в итоге яростно и неумолимо воскликнем: «Долой убийц философии!» (если пользоваться «терминологией» Ницше). На том и завершим. И это ли не апогей оптимизма? Это ли не «гносеологический оптимизм»?

Кстати, на выводе последнего следует остановиться подробнее. Возможность абсолютного знания предполагает ряд утверждений, из которых, в общем-то, оно (абсолютное знание) и выводится. Первое: объективный мир существует. Иначе, о каком познании тогда вообще можно говорить? Второе: объективный мир познаваем. Очевидное условие. Третье: все процессы строго детерминированы. В противном случае мы можем говорить только об относительном знании, ибо к каждому «вот» в данном случае будет непременно добавляться «с вероятностью». Четвёртое: всякое точное знание есть количество. Иначе мы попадаем под зависимость семантики и субъективности, что, конечно, перечёркивает всякую точность. Пятое: количество дискретно. Если нет, подразумеваются флуктуации в области наименьшей величины, а, следовательно, погрешность и относительность истины. Везде мы должны увидеть только плюсы и именно этим путём будет выводиться мой гносеологический оптимизм, а потому желательно заострить своё внимание на предлагаемых доказательствах столь необходимых нам положений.

И как послесловие, скажу по поводу детерминизма. Не стоит делать скоропалительных выводов о наивности этого раздела (вернее, тех мыслей, что здесь наличествуют). Я понимаю, что всерьёз думать о детерминизме в наше «синергетичное» и «моралистичное» время почти неприлично, а уж тем более не модно. Но всё же попытайтесь (тайком от своих соратников по

мыслительной деятельности) *подумать*, хоть капельку, над ниже предложенными строками. Все эти выражения а-ля «наивный детерминизм» (а иначе его сейчас и не величают) есть просто-напросто дань моде (именно *моде*, а ни в коем случае не истине), а мода – она быстротечна. Да и, знаете ли, мода имеет тенденции к «самовозвращению» – *Nota bene*.

Оправдание объективной действительности

Вопрос: а существует ли реальный мир? Человеку нептливому такая проблема может показаться совершенно пустой, ибо её решение появляется сразу же, как только откроешь глаза. Однако, не всё так просто. Мы действительно имеем дело не иначе как (и только) с собственными ощущениями, а значит, не можем с полной уверенностью говорить, есть ли мир «за нами». Как же решить этот вопрос?

Начнем с Декарта: «*Cogito ergo sum*» – это выражение многоуважаемого нашего Рене, я полагаю, в переводе не нуждается. Верно ли оно? *Безусловно*. Это и в самом деле то единственное (пока скажем так), в чем нет никаких сомнений. Однако, Декарт был непоследователен. Что значит «Я»? «Я» значит нечто особенное, отличное от «другого»; «Я» всегда подразумевает «другое», иначе как мы можем говорить, что вот это я, а это не я? Здесь всё просто: всякий «объект» (в т.ч. и человек) может говорить о «себе» только *в сравнении*, иначе «Я» становится понятием совершенно никчемным и, может быть, даже невозможным. Это чисто диалектическая логика и доказывать правомочность такой методологии излишне. Но что из этого следует? Раз уж «Я» подразумевает (*обязательно*) и «другое» (как и наоборот), то это выражение Декарта должно заканчиваться «...и существует мир».

Стойте! Не спешите с выводами, я ещё ничего не сказал, что значит *этот* мир. Имейте терпение, дайте закончить.

Так вот, как видим, если Декарта обильно сдобрить диалектикой или Фихте (а его учение о «Я» – «Не-Я» не менее пронизательно, чем вышеозначенная мысль Декарта), то в существовании мира мы можем быть абсолютно уверены. Но пока это лишь *субъективный мир*, тот мир, который хотя и не является мною, всё же стоит ещё по *эту* сторону ощущений. Такой мир, в свою очередь, вполне может быть и плодом моего воображения, как не без основания считают различного рода субъективные идеалисты (и т.п.). Пока же давайте разберемся с одним человеком, с миром субъективным, дабы все понятия стали на свои места. Индукция будет позже.

Итак, коли уж мы сказали, что мир существует (конечно, субъективный), причем существует *с полной уверенностью*, то как мы можем его обозначить? История философии знает немало наименований: уже обозначенное «Я»-«Не-Я» Фихте, гносеологический дуализм Канта или физические и психические элементы Маха. Последнего здесь можно задействовать следующим образом.

Мах говаривал, что физические элементы существуют независимо от психических, (независимо от «Я»), в чем его, к сведению сказать, немало укоряли, хотя и *напрасно*. Что из того, что мир психики и мир физики есть субъективность? Когда Мах говорил, что последний существует независимо от человека, то под «человеком» понимается именно «Я», а «Не-Я» и «Я» только тогда и возможны, когда они *независимы*. Конечно, это всё в гносеологическом аспекте: я вовсе не хочу сказать, что мир не оказывает никакого действия на меня, как и наоборот, но то, что «психика» и «физика» имеют не один гносеологический корень – очевидно.

Что нам дает Мах при переходе к Канту? Он дает нам два *четких, однозначных* мира, независимых друг от друга, хотя пока и коренящихся в *одном* субъекте. А теперь давайте обзовем физические элементы (они же «Не-Я») миром «вещей-в-себе», а «Я» – миром «вещей-для-нас», хотя и *без* Кантовских выводов отсюда.

Оправдан ли такой переход? Конечно, это «не совсем» Кант, однако я и не говорю, что вот, мол, я вывел мысль Канта, я просто применил Кантовскую терминологию к данному

построению, избавив себя (и вас) тем самым от надуманных слов и повторений, с непременным рассусоливанием уже сделанных Кантом *открытий*.

Таким образом, мы имеем, что субъективность человека можно разделить на «Я» и «Не-Я» или, соответственно, на мир «вещей-для-нас» и мир «вещей-в-себе», что уже более приятно слуху. Люди «грамотные», конечно же, воскликнут: «Да он ничего не понимает! Отождествлять такие разные понятия! Выдавать за них черт знает что!». Если вы так подумали, значит, вы ничего не поняли; «зри в корень».

Что мы можем сказать по поводу отношения «Я»-«Не-Я» (всё ещё в области субъективного)? Для *самого себя* я могу с полной уверенностью утверждать, что вот, передо мной стоит стол. Далее, я могу придумать единицу измерения длины и обозвать её «метр». Я измеряю стол и говорю: «ширина стола 1,2 метра». Таким образом, я *познаю* мир. Конечно, это познание весьма неточно, но то – вопрос иной. Главное же для нас тот факт, что *свой* мир я могу познавать; хоть и весьма поверхностно, но я *знаю* его. Мои «*вещи-в-себе*» *познаваемы*. Пока остановимся на этом.

Коли уж мы разобрались с миром субъективным, то как перейти к объективности (в смысле *всеобщности*)? всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Раз уж всё запросто может быть не иначе как плодом *моего* воображения, то кто сказал, что «Иван Иванович» *реальный* человек? А значит, как я могу быть уверен, что когда мы с ним соглашаемся, что «перед нами стоит стол», я соглашаюсь с *реальным* человеком, а не веду диалог сам с собой? Даже если привести в одну комнату всех людей земли (а хоть и животных, если научить их понимать речь), то каждый из нас с полным правом может сомневаться, а не ведет ли он диалог сам с собой? Т.е., вполне возможно, что кроме меня (тебя) никого больше и нет, а значит, ни о какой всеобщности речи идти не может. У меня один мир, у Иван Ивановича (даже если и летает со мной по соседству «психика» с таким наименованием) другой, у Марии Николаевны ещё какой-то... Несмотря на всю очевидность решения данной проблемы, *доказать* эту очевидность не представляется возможным.

Говоря другими словами, мы стоим перед выбором: либо основа (то, что стоит *перед* ощущениями) «Не-Я» *только моя*, либо основа «Не-Я» едина для всех, т.е. существует объективная реальность. Ни первое, ни второе утверждение мы доказать не можем. Но давайте посмотрим, что здесь к чему. В первом случае мы приходим исключительно к *солипсизму*, и никак иначе. Здесь вообще бессмысленно ставить вопросы о том, что есть «на самом деле» или какова истина; бессмысленно даже спорить, ибо с кем я спорю? С самим собой. Тем более глупо в русле солипсизма говорить о том, познаваем ли мир или хотя бы есть ли он вообще, т.к. эти споры *уже* подразумевают такое понятие как «мир» (объективный мир), в то время как здесь оно *исключено*.

С другой стороны наличие объективного мира. Тогда всё становится на свои (хотя и бездоказательные) места. Отсюда получается, что «Не-Я» едино для всех и, следовательно, все гносеологические вопросы вновь обретают смысл. Но что означает это всеобщее «Не-Я» в плане познания? Как уже было отмечено, отношения «Я»-«Не-Я» позитивно, первое познаёт второе. Для себя я могу уверенно сказать, что дверь есть и имеет такие-то габариты. Обобщение же означает, что теперь эта дверь не только моя, но она же и дверь Ивана Ивановича, и дверь Марии Николаевны; для них данная дверь становится такой же частью «Не-Я», как и для меня самого. Следовательно, *и* они её знают. Таким образом, коли уж мир всеобщ, то он и познаваем. Если объективный мир существует, значит, он познаваем. Т.е. мы уже на полном серьёзе можем говорить о том, что истина, а что нет, и есть ли то или иное *на самом деле*.

Субъективный или объективный (Канта) идеализм неверен в принципе. Или мы говорим, что (по сути) никакого всеобщего познания нет вообще, *или* говорим, что реальный мир есть, и он познаваем. Третьего не дано. Как *изумительно* сказал Фейербах: «Но т.к. для идеалистического Я не существует объекта вообще, то не существует так же и Ты». Т.е., *нельзя* сказать «Мы

не знаем объективной действительности». Есть лишь две позиции: 1) объектов нет, есть один лишь Я (солипсизм) и разговоры о знании/незнании теряют всякий смысл; 2) *мы* есть, следовательно, есть объективный мир и он *познаваем*. Однако ж, философы идеалистических течений с завидным упорством утверждают, что хотя объективная реальность и существует, она непознаваема. Спрашивается, а откуда вы тогда знаете, что эта реальность *вообще* существует? Тем более вы не вправе утверждать, что *мы* её не знаем, ибо никакого «мы» нет, в таком случае есть только Я, что, к слову сказать, субъективные идеалисты признавать уже не хотят. Как видите, такое просто невысказуемо. Тем более невысказуемы все эти гносеологии неокантианцев, посткантианцев и феноменологов, которые на совершенно невысказуемом фундаменте выстроили целые методологии, в которые и по сей день многие (очень многие) верят.

Так что же мы имеем на счет всеобщности? Мы имеем *первую и единственную гносеологическую конвенцию*. Мы просто принимаем на веру (да-да, совсем как Юм), что субъективный мир (если он и есть) един для всех, а, следовательно, он становится *объективным*. Объективность бытия (а значит и всеобщность) бездоказательны, и речь здесь может идти *только* о конвенции, в которой, впрочем, *нет* ничего плохого. Чтобы решать вопрос о том, какого цвета потолок, *уже* нужно согласиться (прийти к конвенции), что потолок есть. Если же его на самом деле нет (солипсизм), то о чём тогда говорить? Такой конвенционализм всё вновь возвращает на свои места: есть объективный мир «вещей-в-себе» (единое для всех «Не-Я»), есть индивидуальный, субъективный мир «вещей-для-нас», который в ряде вопросов также можно считать всеобщим. Кантовская дихотомия обретает свой первоначальный смысл, а деятельность учёных (и т.п.) снова имеет полное право на существование.

Конвенция всех устраивает (ну или устраивает только меня, уважаемые *продукты* моей психики): все общаются друг с другом, все пользуются одинаковыми вещами и, в частности, все пользуются достижениями науки. Конечно, вышеприведенное высказывание, если вспомнить то, что было написано чуть ранее, есть высказывание совершенно нелепое, но отбросим на секунду логику и примем то, что мы чувствуем. А если таковое положение дел нам привычно, удобно и хорошо зарекомендовало себя, то почему бы нам не *согласиться*, что так оно и есть? Не стоит тут же отфыркиваться и кричать, что я в основу всей своей гносеологии положил конвенцию, а ещё претендую на истину! Ещё раз: чтобы утверждать, что истинно, а что нет, конвенция уже должна быть принята, иначе к чему эта истина/ложь относится? Если нет конвенции, то «истина», в таком случае, слово совершенно пустое. Так что, либо вы ничего не говорите, либо (если уж речь зашла об истинности/неистинности) соглашаетесь со мной. *Ни о чём нельзя спорить до конвенции*. И то, что она лежит в основе *всякого* исследования, говорит вовсе не о ложности всего далее следующего (скептицизм и т.п.), а наоборот, только она и делает возможным *саму* истину.

Разъясню ещё одну возможную проблему: а есть ли действительно такой реальный мир, который существует вне нас и будет существовать, даже если мы все умрём, или же он есть продукт людей, и весь мир умрёт вместе с последним человеком? Ходим ли мы по *земле*, или это наши психики, как-то объединённые, летают в абсолютно пустом пространстве и обмениваются информацией с намертво прикреплённым к ней отростком в виде «Не-я»? Первое высказывание *бездоказательно* (знание же всё из *ощущений*), хотя и второе не менее спорно, однако оно не противоречит логичности и последовательности нашего суждения. Что ж, давайте примем второй вариант. Давайте в основу материи положим *психические* (а не физические) взаимодействия. *Но что от этого изменится?* Ровным счетом *ничего*; только сам факт; все гносеологические «выверты» и научные открытия *так же* работают и при таком фундировании. Какая разница, где работает закон Ома, в *физическом* всеобщем мире или в *психическом* всеобщем? Закону (а, следовательно, и науке) это «по барабану». Ни практически, ни даже теоретически от этого ничего не меняется. Это если и важно, то только для какой-нибудь далёкой метафизики, для науки же и обыденности – *безразлично*. Игра слов, и не более того. В таком

случае, зачем изобретать велосипед, когда можно всего лишь сделать оговорку, что «мир не есть *causa sui*, а обусловлен существованием человека»? А равно, почему бы и не наоборот? Теперь отбросьте излишний морализм, и всё сразу встанет на свои места.

Далее я буду придерживаться уже классической гносеологической основы (есть мы, и есть независимый от нас реальный мир), со всеми вытекающими отсюда выводами. В противном случае, говорить вообще не о чем, ибо, что толку разговаривать с самим собой? В классическом представлении – и то надоело. Так что: объективный мир существует, и он познаваем. Причём иное (в *любом* исследовании) *не допускается*.

Познание. Генезис познания

Мир есть. Человек с миром взаимодействует. В гносеологическом смысле это означает: *познаёт*. Что же есть познание? Познание можно понимать двояко: в узком и широком смысле. В узком смысле – это процесс преобразования «вещи-в-себе» в «вещь-для-нас». Т.е. это познание ещё до всякого осмысления. Такое познание заканчивается, как только в сознании появился соответствующий образ. В широком смысле – это процесс осмысления окружающей действительности. Причём не важно, зачем этот процесс нужен; не совсем это уже и гносеология. Как видите, просто. Никакого особого «разжёвывания» здесь не требуется, потому и хватит.

Теперь о генезисе. Сложность в этом вопросе только одна: какой в нем, собственно, *философский* смысл? Вот, все спрашивают: «Почему мы познаем?», «Зачем нам знание?», «Какой в познании смысл?»... Но давайте вернёмся к первому абзацу. Познание в узком смысле обусловлено соответствующими органами, проводящей системой и самым элементарным сознанием. Т.е., обусловлено глазами, ушами ..., нервами и мозгом. Таким образом, вопрос о происхождении и смысле познания сводится к вопросу: откуда и зачем всё это появилось? Но что есть глаза, нервы, мозг...? *Органы*. Следовательно, *точно так же* можно спрашивать: «Почему у нас появился желудок?» или «Почему у нас пять пальцев?», «Зачем нам именно пять пальцев?» (и т.п.). Всё это, конечно, вопросы замечательные, но значение они имеют не далее биологии и в лучшем случае антропологии. Что здесь делать философии? За всю историю философии действительно правильный ответ на этот вопрос, а именно «почему?», дал только Кант: «В силу способности». Уж как только его за это ни критиковали! Чуть ли не главный недостаток всей его гносеологии видели в этих до ужаса простых словах. Но ведь, как лаконично и *верно*!

Тоже и о познании в широком смысле. Мышление человека отличается от мышления червя, бактерии или вируса лишь *количественно*. Принципиально здесь всё *то же самое*. И пошло это от молекул, которые, видите ли, не хотели рассыпаться. Которые, со временем, приобрели статус *живого*. Как только они стали таковыми, появился самый элементарный инстинкт самосохранения и, как следствие, реакция на хорошие и плохие условия. Последние *уже* предполагают познание. Отсюда органы чувств, проводящая система, некий орган, который анализировал бы поступающую информацию и т.д. Вот вам и сознание; вот вам и познание в широком смысле.

Итак, почему мы познаем? Да потому что у нас есть глаза, уши и, в конце концов, мозги. Но тогда последующий вопрос: «А почему у нас глаза, уши...? И почему именно такие органы, а не какие-нибудь там?» *Потому что так получилось*. Эволюция так распорядилась. Всё! Получилось, и стала у нас такая способность – познавать, вот и познаем «в силу способности». Таким образом, при грамотной постановке вопроса эта проблема полностью смещается в русло биологии. Если же вы спросите биолога, то он вам расскажет, что «... зрение произошло из ... приблизительно в ... затем у ... развивалось до ... и, наконец, у человека зрение стало ...». Всё *очень* просто. Просто до такой степени, что при правильной постановке вопроса в нем вообще теряется весь его специфический смысл.

Многие мне, конечно, возразят: «Но это же так мелко, так грубо, так наивно, так ...». На что я отвечу: «Можете болтать о своем боге, смысле, предназначениях, целях и прочей метафизическо-абсурдной белиберде сколь вашей душе угодно, я же говорю, что *есть*». Ибо все иные ответы на вопросы «почему?», «как?» и «зачем?» ведут за собой *неестественный* ход вещей. Нужно *придумывать* трансценденцию. Будь то бог, логос или дух. Трансценденция же означает беспочвенность и недоказуемость. Это область веры, но не знания. А потому и говорить подобным образом с претензией на «знаю» *невозможно*. Я же пытаюсь докопаться до истины, а не придумать своей глупости оправдание по красивее.

Особенность познавательной деятельности

Если уж мы оправдали нас и наше бытие, самое время перейти к взаимодействию выше-означенных стихий. Пока речь будет идти о «голом человеке», т.е. человеке как он есть данный от природы, безо всяких там приборов и измерительных комплексов.

В философии, почему-то, всегда существовало только две точки зрения: или мы познаем мир таким, какой он есть, а все ошибки из сознания, или мы *вообще* ничего не познаем, и говорить нам не о чем. Обе точки зрения, *конечно же*, неверны, ибо являются они из себя абсолютизацию, которая, как известно, до добра не доводит. Тот же Кант, очень правильно разделив бытие, делал такой вывод (вслед за Локком, Юмом, Декартом...), что о «вещах-в-себе» мы вообще никакого понятия не имеем, а всё наше знание есть «что-то не пойми о чем».

Но в наличии «вещей-в-себе» мы сомневаться не можем (вспомните первую главу), сомнения могут одолеть нас, лишь когда заходит речь о всеобщности. Впрочем, такие сомнения легко устраняются, если только мы хотим знать о чём-то (т.е. необходима конвенция), а не просто транжирить слова. В то же время мы уверенно можем сказать, что наше знание не в полной мере соответствует действительности: каков точный размер данного объекта, синий это или голубой, сколько звёзд во вселенной... Даже с помощью современных приборов ответить на данные вопросы невозможно, не говоря уже о «голом человеке».

Говоря другими словами: мы имеем представление о «вещах-в-себе», но представление это (данная «вещь-для-нас») *неточно*, она несет в себе *ошибку*. Что значит: информация не точна? Это значит, информация имеет *погрешность*. Информация, заложенная в «вещи-в-себе», преобразуясь в «вещь-для-нас», приобретает некую погрешность, которую, хотя и приближенно, мы зачастую можем оценить (конечно, речь пока идет только о количестве). То, что в процессе преобразования появляется погрешность – явление совершенно очевидное, ибо, что есть наши рецепторы? Не иначе как органические (живые) *первичные преобразователи* каких-то данных, а мозг – процессор (плюс «жесткий диск», «оперативка»...). Не надо даже вдаваться в излишний механицизм, чтобы сказать, что «чувствование» есть преобразование одной величины в пропорциональную ей величину иного рода. Например, длина волны с помощью палочек (колбочек) преобразуется в электрический ток (нервные импульсы). Впрочем, всё это и ежу понятно. Непонятно это может быть только отъявленным гуманистам, которые здесь сразу же скажут «Ах!» и, с возгласами «Это же Человек, а не машина!» немедленно обвиняет меня в кощунстве, механицизме, вульгарном материализме и прочем, не менее *замечательном*. Но вернёмся к нашим погрешностям. Погрешность здесь двойка: её можно разделить на *первичную* и *вторичную*.

Первичная погрешность – погрешность, возникающая вследствие несовершенства «средств измерения». Под средствами измерения здесь понимается как некие технические средства, которые, по первому закону метрологии, не могут производить измерения с абсолютной точностью, так и «собственные» средства измерения, а именно те или иные «измерительные» системы человека (зрение, слух, обоняние, осязание и ряд других). Уже на этой стадии

можно утверждать о непознаваемости «вещи в себе» («голым человеком»); погрешность будет *всегда*. Так уж мы устроены, и с этим ничего не поделаешь.

Вторичная погрешность – погрешность, возникающая вследствие субъективности воспринимающего информацию индивида.

Данную погрешность, в принципе, можно свести к нулю, если дело касается точных наук, и если принимать некое измерение как *факт*. Можно абсолютно точно сказать, что вольтметр показывает 2,6 В или что в корзине ровно 12 яблок. Но как только мы начинаем осмыслять эти данные, тут уже появляются различного рода «всего лишь», «слишком» и т.п. И если в точных науках (в точном познании) эта погрешность практически не выдаёт себя, то в вопросах гуманитарного плана (социальное познание, психология, вообще всякие человеческие отношения...) такая погрешность столь велика, что зачастую за ней невозможно разглядеть собственно данные.

Помимо этого, рассматриваемую погрешность мы так же можем разделить на две части:

а) *Погрешность субъективности образа*. Любой предмет, свойство предмета или явление всегда представляется в виде информации (я полагаю, доказывать здесь нечего), информацию о каком-либо сущем я буду именовать *образом*. Ясно, что у каждого человека относительно чего бы то ни было всегда есть свой образ, своё представление. На то она и субъективность. Проиллюстрировать это можно на простом примере: кто-то эти буквы назовет черными, кто-то темно-серыми, а кто-то просто серыми, при этом, ввиду того, что четко дифференцировать эти цвета невозможно (по крайней мере, не точно-научными методами), все они будут правы. Это и определяет отклонения в понимании, в данном случае цвета, суть *разночтения*, что и есть данная погрешность.

Этот пример с цветом можно так же перевести и на более сложные вещи, такие как красиво – некрасиво, много-мало или даже хорошо-нехорошо (если уж касаться морали). Т.е. составляющей этой погрешности является индивидуальность *образа*.

б) *Погрешность субъективности чувства*. Если в прошлой составляющей субъективной погрешности как таковой речь шла только об образе, т.е. *чистой* информации (без примеси *чувств*), то здесь дело именно в чувствах. Очевидно, что те или иные вещи или явления вызывают в человеке определенные чувства, и именно эти чувства вызывают погрешность, накладываемую на восприятие. Эту погрешность можно было бы также назвать *предвзятостью*, причем, безусловно, не только в отрицательном, но и в положительном плане.

Может сложиться ошибочное мнение, что здесь шла речь *только* о преобразовании неких *реально* (в физическом мире) существующих предметов, явлений или свойств, однако, все эти погрешности можно так же перенести и на трансцендентную человеку информацию, носителем которой не является объект, обладающий данной информацией как свойствами. Это информация без объективного носителя. Примером такой информации может служить обыденная *речь*, которая, оперируя «объектами», не имеет таковых как «вещи-в-себе» (слова «долг», «честь», «красота»...). Правда, здесь первичную погрешность можно свести практически к нулю, которая теперь будет проявляться лишь как ослышивание, галлюцинация и т.д. Зато вторичная погрешность проявляет себя здесь как нигде больше.

Таким образом, погрешность всегда сопутствует преобразованию «вещи-в-себе» в «вещь-для-нас», хотя, что это именно *погрешность*, а не *полное* незнание, мы можем утверждать со всей уверенностью (есть «Я» есть «Не-Я» есть «вещи-в-себе» есть преобразование «вещи-в-себе» в «вещь-для-нас» имеется некое соответствие хоть какое-то верное знание есть). Для среднего человека эта погрешность достаточно высока, порядка $\pm 20\%$ (оценка геометрических размеров, частоты звука, длины волны света и т.д.), хотя, может, и несколько снижается: например, люди с абсолютным слухом, если им назвать те частоты, которые соответствуют нотам, определили бы частоту звука с погрешностью не более нескольких процентов. Но нет предела совершенству техники! Взять хотя бы линейки, штангенциркуль и какую-

нибудь лазерную приладу – погрешности здесь будут совсем разных порядков. В общем, всё развитие как теоретической, так и практической науки сводится к *снижению погрешности*. Вопрос в том, может ли она когда-либо стать равной нулю? Впрочем, об этом позже.

Но коли уж мы завели речь о взаимодействии «Я» с «Не-Я», то не пора ли определиться, а что, собственно, являет из себя «вещь-в-себе». И не придем ли мы здесь к таким неразрешимым вопросам, что все погрешности в мгновение ока померкнут и обесценятся? Итак:

Качество и количество

Тот *факт*, что «вещь-в-себе» просто имеет место быть, если и важен, то только для самых общих гносеологических проблем. Если же мы затрагиваем познание (т.е. процесс преобразования «вещи-в-себе» в «вещь-для-нас») глубже, то такого факта нам явно недостаточно; нам надо ещё и знать, что эта «вещь» представляет собой, и что кажет нам. Пока, не вдаваясь в какие-то специальные вопросы, мы можем лишь сказать, чем «вещь-в-себе» *характеризуется*. Это мы вполне можем узнать, ибо качества, в отличие от количества, в преобразовании погрешности *не приобретают*.

Остановимся на последнем заявлении. Что есть качество (характеристика, атрибут, а то и свойство – здесь синонимы)? Говоря простым языком, это – то, что имеет количественную оценку. Это – размер, масса, цвет, плотность, температура и т.д. и т.п. Это есть *опора* количества, то, что количество описывает, и что количеством характеризуется. Какая здесь может быть погрешность? *Цвет* всегда есть *цвет*; *размер* всегда есть *размер*. Говоря о предмете, мы не можем сказать: «Я не уверен, что это цвет, может быть, это температура». Тот же цвет, как качество, не может быть «скорее цвет, чем температура» или «это на 90 % цвет, а на 10 % (вероятно) – это та же температура». Такие заявления есть абсурд. Качества (опять же свойства, атрибуты, характеристики – чтобы вы не забывали) отличны по самой своей природе, по своему фундаменту, которые перепутать просто *невозможно*, ибо *первичные преобразователи* различны.

Итак, «вещь-в-себе» имеет качества (я буду использовать именно это слово; надоело скобочки рисовать), которые, к сведению сказать, у всякой вещи ограничены, да и вообще этих качеств – раз, два и обчелся. Пока мы будем говорить о материи и, соответственно, именно качествах материи, причем конституирующих саму эту «вещь-в-себе», с нивелированием хоть одного из которых *вся* эта вещь не будет существовать. Другими словами, любая вещь обладает определенными качествами (масса, размер, цвет...), причём не принципиально, первичные ли они или вторичные. Если убрать хоть одно из них – уберутся и все остальные, ибо сама вещь без него (данного качества), существовать не может. Уберите массу у вещи, которая ею изначально обладает, и вы получите *ничто*, а значит, вещь исчезнет вместе со всеми остальными качествами. Хотя, если убрать её у того, у чего и так нет никакой массы (например, у фотона нет массы покоя), то, конечно же, ничего не получается, ибо здесь мы «убираем» то, чего и так не было. Уберите у вещи цвет – вы получите абсолютно прозрачное тело, т.е. *пустоту*; опять же ничто. И т.д.

В отличие от таких качеств (обзовем их *объективными*, ибо из них состоит «вещь-в-себе», причем *обязательно* состоит), есть и качества иного рода – *субъективные*, т.е., такие качества, которые приписывает объекту сам человек, и если сколь угодно много убирать их или добавлять, самой вещи от этого не будет ни холодно, ни жарко. Это такие качества, как хороший/плохой, красивый/уродливый или целый/разбитый, работающий/сломанный. Все эти качества *относительны*. То, что вещь для нас хорошая – самой вещи «по барабану», и если мы вдруг внезапно обзовем её плохой, вряд ли она от того аннигилируется. Более подробно следует остановиться на последних из выше приведенных качеств.

Может показаться, что если хороший/плохой самой вещи уж явно индифферентны, то, например, целый/разломанный – это уже говорит о вещи *как таковой*. Однако, это не так. Сама вещь ни работающей, ни сломанной быть не может, это *мы* говорим, что она работает, или она сломана. Причины же этого – те или иные количественные изменения; сами качества от того не меняются, меняется всего лишь количество. Мы говорим, вещь сломалась, она не работает, однако в *самой* вещи изменилось лишь одно, например, на ... % ослабла пружина. Здесь очевидно, что упругость пружины – это количественная оценка, качество всё то же, а вот субъективно... сами понимаете. Т.е. здесь мы можем представить себе цепочку: качество «вещи-в-себе» → количество данного качества → субъективное качество (работает/не работает). Таким образом, и последние качества также субъективны, хотя и в значительно меньшей мере, чем первые.

Среди людей (а особенно философов) доминирует такое мнение, что качество есть вообще явление совершенно особенное, зачастую вообще не сводимое к количеству. Как часто мы можем слышать, что вот, к примеру, стол *качественно* отличен от солнца; человек *качественно* отличен от камня и т.д. Но что здесь имеется ввиду под словом «качество» совершенно не ясно. В моем понимании (я бы, конечно, сказал «в единственно верном понимании») разница здесь в том же количестве и наличии тех или иных составляющих (наличие так же описывается количественно). Стол имеет размер..., состоит из..., покрыт сверху лаком из вещества с химической формулой... и добавками (такими-то) в количестве... Компьютер состоит из... (и т.п.).

Всё описывается *количественно*. Достаточно составить таблицу наличия или отсутствия тех или иных элементов с их количественным отличием, и *все*. Качества те же, количества разные. Но если уж мы говорим *здесь* о качествах, то иметь в виду мы можем не иначе как качества *субъективные*. Тогда да, это действительно *качественно* разные вещи («вещи-для-нас»), ибо подход здесь – критерии – совершенно разные. Но мы же сейчас говорим о гносеологии, а не о психологии, не так ли? А потому оставим субъективную сферу «за бортом».

Возможно, вы скажете: «Как же? Вот был стол, потом его разломали и сожгли, получив от стола одни головешки. Разве же это не *качественное* преобразование?». «Не качественное» – отвечаю я.

Пусть была *одна* крышка стола (это я для упрощения) с *таким-то* химическим составом, массой 10 кг. и цветом соответствующим 650 нм. Т.е. 1) 110 (отдельные части); 2) СхНх-СуНу; 3) 10 кг5 кг; 4) 650 нм570 нм. Разве же это не *количественные* преобразование? А то, что они *для нас* стали качественно различны, так это *для нас*. Хотите сложнее? Был человек и умер. Возьмем минуту до смерти: мышечный тонус был равен..., стал...; давление крови было равно..., стало...; поток информации в головном мозгу был равен... стал равен нулю. Количество? Количество. А это «Батюшки, был человек и не стало, ой-ой-ой...» (какая *качественная* разница!) – так это опять же *для нас*. И не надо впихивать сюда альтруизм и т.п., не к месту он здесь, и не о нём я сейчас речь веду.

Не могу удержаться, чтобы не бросить камень в философский огород (а особенно на грядку Гегеля). Небезызвестный диалектический закон «перехода количества в качество» не является законом, а и является, по сути, *абсурдным*. Количество есть *мера*; качество – *основа*, как мера может стать основой? Как единица измерения может стать измеряемой величиной? Это *нелепейшее* смешение понятий. Да, закон этот истинен, причем истинен *двояко*, но чтобы он не был похож на пустой набор слов, его следует переформулировать. В первом случае: количественное изменение одного из качеств «вещи-в-себе» может привести к изменению субъективного качества. Это тот же пример со столом и головешками, или взять хотя бы город и деревню: деревня увеличилась (*количественное* изменение) и стала городом, со своим обликом, соответствующей инфраструктурой, соответствующими законами. Да, *субъективно-каче-*

ственно – это вещи совсем разные, но изменения качеств *как таковых* здесь нет; здесь снова меняются лишь их количественные характеристики.

Во втором случае: количественное изменение одного из качеств системы может привести к количественному изменению и других качеств данной системы. Был человек, положил на него 10 кг. – ничего, положили 100 кг. – ничего, положили тонну – умер. Количество в качество? А что значит «человек умер»? *Количественное* изменение. На человека давил такой-то груз, и он имел такие-то количественные характеристики, стал давить другой груз (количественно отличный от первого), и у человека количественное описание изменилось. Ведь так?

Попрошу обратить внимание на так называемые (мною) «нулевые преобразования». Под *нулевым преобразованием* я понимаю либо такое преобразование, в результате которого количество какого-либо качества сводится к нулю (т.е. само качество исчезает), либо такое преобразование, когда количество некоего качества становится отличным от нуля. В принципе, такое преобразование и можно было бы назвать «переходом количества в качество», т.к. здесь количественные изменения приводят в конечном итоге к качественным (т.е. качество или исчезает, или появляется). Но именно *в конечном итоге*, на самом же деле это опять же переход количества в количество, хотя и *предельный*. Примерами здесь могут служить та же смерть: количество информации в сознании становится равным нулю, т.е. само качество «сознательность» исчезает; или какая-нибудь гипотетическая остановка фотона, в результате чего он исчезает, т.е. количественное изменение скорости приводит к исчезновению такого качества как (например) протяжённость. И наоборот: сгорание дерева приводит к появлению такого качества как светимость. Но, как видите, по сути, это всё те же количественные взаимодействия, что, впрочем, само собой разумеется, ибо чистых качественных преобразований в природе не бывает; *взаимодействует только количество*.

Но! Да, мы сказали, что всякая «вещь-в-себе» имеет некоторые качества, которые всегда описываются количественно, и в природе все преобразования количественные. Значит ли это, что вещь *кроме* качеств с *количественной* характеристикой ничего более не имеет? Пока *не значит*. Так есть ли что-либо ещё? Попробуем разобраться.

Сущность «вещи-в-себе»

Философы нередко упрекают учёных в том, что вот, мол, вы можете хоть со 100% точностью описать объект («вещь-в-себе»), но вы никогда и ничего не сможете сказать о его сущности, а уж тем более докопаться до нее. Но что есть «сущность»? Большой энциклопедический словарь так обозначает сущность: «это внутреннее содержание предмета, выраженное в единстве всех его многообразных свойств и отношений». Что такое «внутреннее содержание предмета», чем оно отличается от «наружного» и как их дифференцировать – об этом умалчивается. Т.е. данное определение, несмотря на всю свою авторитетность, является не иначе как *набором слов*, вообще ни о чём не говорящих. Можно встретить и такие определения, как «предмет как бы изнутри». «Как бы...» – даже третьекласснику за это «как бы» по шапке бы досталось. Как «это особое энергетическое образование, которое содержит всю информацию о предмете». Здесь вообще после каждого слова можно ставить «?!». И т.д. и т.п. Все эти разговоры вокруг сущности до боли напоминают монолог какой-нибудь анекдотичной блондинки: «Ой, я такую кофточку видела! Она такая... как бы... ну... И здесь ещё штучка такая. Правда, красивая?» Всем всё ясно? Я полагаю, вряд ли.

Единственно *правильное* определение сущности встречается, как ни странно, у Панина / Алексева: «Категория сущности служит для выделения в системе её свойств и отношений, которые обуславливают другие её свойства и отношения». Вот это *верно*. Но это, как видите, не пускает сущность дальше гносеологии; она перестаёт иметь онтологическое значение, в то время как именно о последнем и гундят на каждом шагу.

Таким образом, никакого определения сущности как *онтологии нет*, и быть *не может*. А быть его не может по той простой причине, что нельзя дать определение тому, что не существует. Почему никакой сущности нет? А вы её видели? Вы хотя бы минимальное представление о ней имеете? *Очень сомневаюсь*. Да, говорить можно о чём угодно, а уж выдумать – так и вовсе хоть бога можно, но зачем выдумки и пустобрехство совать всюду, куда только можно? Зачем говорить *на полном серьезе* о том, что не только себя не проявляет, но даже в самых смелых логических построениях не намекает на своё наличие. Конечно, здесь можно возразить, что может существовать и то, о чём мы ещё и не догадываемся. Не спорю, очень даже может. Но если что-то *возможно* знать, это ещё вовсе не означает, что об этом допускается говорить так, как будто мы это *уже* знаем. Вот и говорили бы тогда, что *возможно* есть сущность, и *может быть* её нельзя познать. Но разве таковы интонации идеалистов? Что вы! Сплошное повелительное наклонение! А может быть всё что угодно, и рак на горе свиснуть может, и что же теперь, говорить, что раки свистят, а выдумка и факт – это одно и то же?

Наверняка кто-нибудь скажет: «А как же вы хотите, чтобы сущность проявила себя, если она *непознаваема*?» На что я вам отвечу: «А кто вам сказал, что она *непознаваема*? Т.е., выдумали (!!) слово присвоили его *предмету* (!!), наделили это *слово* свойствами (!!) и перенесли их на сам предмет (!!). Отсюда и выходит, что даже если мы может знать предмет *абсолютно* точно, всё равно знать мы о нем будем крайне мало, т.к. глубже мира явлений нам никогда не пролезть. Ни нам самим, ни науке сущность *никогда не познать*. Очень интересно, не так ли?

А вот вам *открытие*! У всякой вещи есть «ущность»! Она сразу же раскрывает себя, как только с погрешностью 70 % (доверительный интервал 0,95) мы опишем больше половины её качеств. И она (эта «ущность») тут же сводит на нет всю сущность, так что не сегодня, так завтра, все-то мы и узнаем! Всю истину! Откуда я это знаю? Ну и что, что «ущность» себя никак не проявляет? Знаю, и всё тут!

А какой-нибудь Иванов скажет: «А я знаю «щность»! Она ещё круче «ущности», но познаваема только мистическим путем. И тут встает Петров...

Бред? А чем *всё это* хуже сущности? *Абсолютно ничем*. Это всё так же гипотетически возможно, и имеет не меньшие основания, чем приснопамятная сущность. А потому хватит заниматься брехологией и....

Нет, но что возмущает больше всего! Совершенно *пустым, бездоказательным, нечетким* понятием оперируют чуть ли не все люди науки (не говоря уж о иных) во всех отраслях научного знания, причем на полном серьезе! «Сущность данного явления в том...», «... занимается изучением сущности вселенной» и т.д. Хорошо, если под «сущностью» понимается просто «смысл» или «наиболее важное в предмете», а то ведь и в философском смысле пользуют! И как будто так и надо!

Кстати. У слова «сущность» достаточно много значений: это и смысл, и наиболее важное в предмете, и назначение (предназначение) и ещё много чего (хотя это, пожалуй, основное). В узком смысле всё здесь замечательно, однако в обще-гносеологическом получается очередная нелепица, а такой перенос – отнюдь не редкость. Что значит «смысл»? Смысл, прежде всего, подразумевает *смыслополагание*, также как и назначение. Это, в свою очередь, предполагает нечто (или некто), что это смысл или назначение придумано. Вот вам и бог (ну или т.п. трансценденция). Доказывать же, что бог есть предмет веры, а не знания – это уж как-то неприлично, а уж тем более неприлично рассматривать или применять его (бога) в русле гносеологии и тем более науки. Наиболее важное же (очень, кстати, распространенное понимание сущности) предполагает *сравнение* (а иначе, как мы скажем, что это *более* важно, а это *менее*?), что обуславливает существо мыслящее. Если вы считаете, что камень мыслит, что ж, тогда всё верно. Вот только такая сущность познаваема (научиться языку камней и спросить, делов-то!). Если ж камень не мыслит, то всё важное/неважное есть не более как наши выдумки, к предмету как

таковому не относящиеся. А значит и у *самого* предмета («вещь-в-себе») никакой сущности нет; сущность есть *только для нас*.

Так что же в итоге? *Ни о какой сущности мы говорить не можем*. Это такая же *выдумка*, как вышеозначенные «ушность» и «шность». Тем более нельзя говорить о *свойствах* сущности (в частности – непознаваемость). Вот когда мы хоть каким-нибудь путем (логическим или эмпирическим) *установим*, что сущность всё же есть и дадим ей определение, вот тогда и будем говорить. Сейчас же... Уж извините, *только* качества, описываемые количественно; что имеет, о том и говорим.

Небольшое послесловие.

В кучу к сущности можно отнести и идею (Платон), и дух, и субстанцию и ещё много чего подобного. Это такие же «ясные» и «доказанные» понятия, как выше рассмотренная сущность. Всё это точно так же никак себя не проявляет, и ничего мы здесь не знаем, и говорить не можем. Ну, зашел заскок у какого-нибудь философа, ну понравилось ему такая гносеология – да ради бога! Кто же против? Мне тоже, порою, забавно почитать. Но не стоит же, как попугай, повторять за ним всё, что ему взбрело в голову, даже не понимая (и не желая понять!) все эти «штучки». Ну ладно – философы, но вы ж, господа ученые! Ну как не стыдно? Открыли какой-нибудь мезон и начали сущность у него выискивать! Честное слово, как дети малые. Давайте, в конце концов, говорить о том, *что есть*.

Дискретность

Мы *установили*, что «вещь-в-себе» характеризуется качествами, которые, в свою очередь, характеризуются количеством, причём всякое преобразование количественно. Так же нам стало известно, что кроме качества/количества в вещи ничего более нет. Теперь пора бы поговорить о том, что *особенного* в этих составляющих. И если с качествами мы разобрались, то с количеством (а тем более с количественными преобразованиями) не очень.

Из самого названия данного параграфа уже, я полагаю, ясно, о чём здесь будет идти речь. Итак, сразу тезисы на защиту: 1) Любая количественная характеристика объекта в основе своей дискретна и 2) Существуют *конечные* значения количественных характеристик. Как ни странно, я не буду уподобляться Попперу или Пригожину и строить все свои доводы на единичных фактах (правда, оригинальный подход, для нашего-то времени?). Я пойду «к сути вещей».

Что значит «прямая непрерывна»? Это значит, что вся она состоит из бесконечного числа точек бесконечно малого размера. Говоря относительно количества, мы тем самым утверждаем, что вся она состоит из чисел с бесконечным количеством знаков после запятой. Говоря о бытии, таким образом, предполагается, что такой подход не абстрактный (чисто математический), а имеет место быть в самой организации природы. Далее мы можем пойти двумя путями. Первый – древний (рис. 1): где, t – время; x – событие.

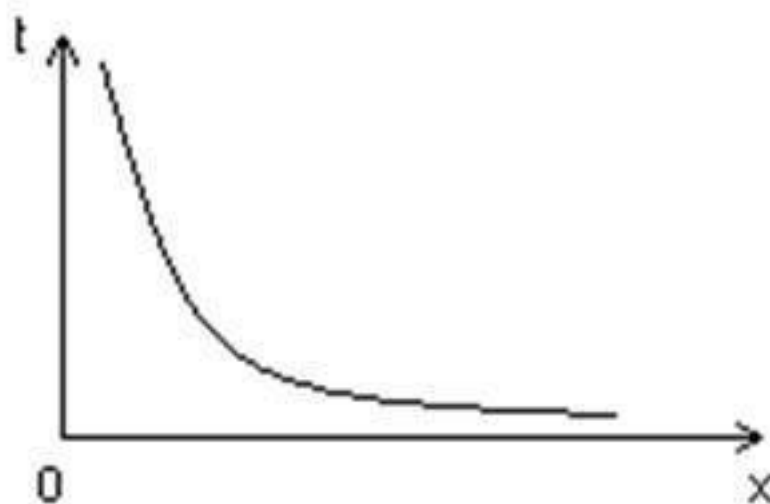

Рис. 1

Так событие никогда не наступит, никакая вещь полностью не изменится, ибо до события всегда будет $0,0...01$ с, $0,0...001$ с; $0,0...0001$ с и т.д. В общем, сие – известная апория Зенона. Конечно, жутко хочется обозвать всё это софизмом (не нравится, а сказать нечего софизм), но никакой софистики здесь нет; всё в пределах действия законов логики и без нарушения оных. А задачка не решается. Если, конечно, не применить *дискретность*. Если же мы применяем дискретный подход, то проблема сразу же снимается. Вышеприведённый график будет выглядеть уже следующим образом (рис. 2):

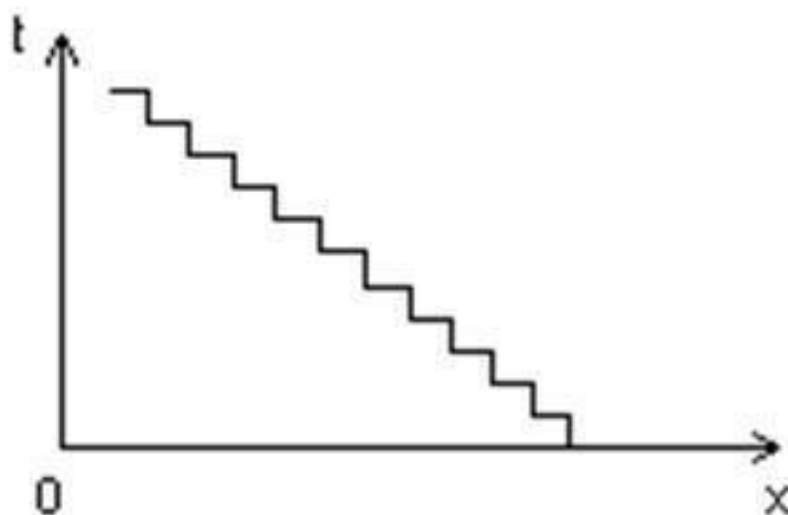

Рис. 2

Это означает, что время дискретно. Если время имеет непрерывный характер, никакое взаимодействие не может не только начаться, но и завершиться. Т.е., невозможно никакое вза-

имодействие и изменение; неподвижный, мёртвый мир. Однако ж практика (хоть даже и только внутренняя) говорит нам совсем иное. Но то, конечно, *лишь* время и ничего более. Мы же пойдём дальше.

Бесконечность есть понятие сугубо математическое и сугубо абстрактное. По крайней мере, эмпирически её ещё никто не видел. Бесконечность двояка: бесконечно *большая* величина и бесконечно *малая*. Нам будет интересен именно второй вид. Бесконечно малые величины имеют ту особенность, что с ними невозможно проводить арифметические действия. Если сложить десять бесконечно малых величин, то единица не получится, получается *та же* бесконечно малая величина. Но коли уж мы говорим, что бесконечность (бесконечно малые значения) существуют реально, то давайте перефразируем прошлый пример по отношению к самой действительности: если сложить десять бесконечно малых расстояний, миллиметра не получится. Однако, в мире мы отчётливо видим и миллиметры, и килограммы, и Джоули. Следовательно, из бесконечно малых величин они не могут состоять в принципе, ибо тогда ничего бы *не было* (а оно, чёрт побери, есть!). Если вам не по душе такое умозрительное доказательство дискретности, пожалуйста, вот вам наука. По Гейзенбергу, чем меньше пространства занимает частица, тем больше её полная масса. Отсюда, если пространство, занимаемое частицей, *бесконечно* мало, то и её масса *бесконечно* велика. Сами понимаете, такое *актуальное* положение вещей есть глупость. И если в природе нет величин бесконечно малых, то, значит, есть величины малые *конечно*. Например, *минимальная длина* 0,1 мм, тогда из десяти минимальных длин мы получаем тот самый стоящий перед нашими глазами миллиметр. Только *так* (через конечность) можно оправдать вообще наличие бытия.

Таким образом, в данном примере *не может быть расстояния меньше 0,1 мм*. После этого 0,1 сразу же следует ноль. Точно так же с большими расстояниями. Может быть 12,1 мм, 12,2 мм, но не может быть 12,15 или 12,18 мм. Если этот ряд продолжать до бесконечности (12,189573... мм), то, следовательно, потенциально существует расстояние 0,089673... мм, что, как мы установили, невозможно. Другими словами, последнее число (здесь) предполагает наличие расстояния в 0,000003 мм (и так до бесконечности), т.е. мы получаем, в конце концов, то же самое *бесконечно* малое число, которое, как уже было сказано, в природе существовать *не может*. Отсюда вывод: *любая величина имеет конечное количество знаков после запятой вплоть до порядка наименьшей величины*. Или: всякое значение кратно наименьшему.

Примером здесь может служить тот же электрический заряд. Не бывает заряда менее $1,6 \times 10^{-19}$ Кл (само собой, я округляю, ну да не в том дело); либо так, либо ноль. И все большие заряды обязательно кратны данному. Возможен заряд в 8×10^{-18} Кл, но невозможен $7,9 \times 10^{-18}$ Кл. Это хотя и частность, но суть, я полагаю, стала более прозрачной. Если же вам неясен ход моей мысли, *перечитайте*, ибо очень уж это примечательно и важно.

Что нам дают такие выводы? *Сама* метрология говорит, что *абсолютно* точно можно подсчитать только количество (пять яблок, десять ложек...). И если всё в этом бытии дискретно (а иначе никакого бытия и *не было бы*), то в любом изменении мы имеем дело с количественным подсчётом, который (см. мудрость метрологии) теоретически может быть *абсолютно точным*. Хотя, и этого пока нельзя отрицать, ещё возможны флуктуации этих самых «дискрет». Но об этом позже.

Просто? Так просто, что аж смешно! Банальность: всё, что существует, имеет свою основу, т.е. последнее, наименьшее значение, менее которого (на то оно и наименьшее) ничего быть не может. Это перечёркивает непрерывность и проявляет нам дискретность мироздания. Если вы полагаете, что такое положение несущественно – вы жестоко ошибаетесь. Дискретность означает, что существует последняя микрочастица, которая ни на что не делится, что время есть смена кадров, что... Хотя здесь, конечно, возникают новые вопросы, не менее интересные, чем в случае бесконечности: почему эта величина не делится? Из чего она состоит, если меньше нее ничего нет? Почему кадры (время) меняются именно с такой частотой, и

можно ли её изменить? И т.д. Но всё это вопросы уже скорее научные, чем чисто философские, а уж тем более частные, а потому оставим их без внимания; не о том сейчас речь. *Дискретность мироздания логически очевидна*, со всеми вытекающими отсюда выводами. Одно удивляет: почему концепциями дискретности так мало занимаются? Нехорошо.

Детерминизм

Можем ли мы на основании дискретности говорить о познаваемости «вещи-в-себе»? С одной стороны – да. Действительно, если всё дело лишь в количестве, и количество это конечно, то мы можем абсолютно точно подсчитать что угодно, правда, пока лишь только в статике. Если же дело коснётся тех или иных преобразований, то кто сказал, что эти «дискретности» не будут флуктуировать? Если числа конечны, всё же может быть и так, что расстояние X равно 100 ± 5 минимальных длин. И это « ± 5 », очевидно, может привести не только к неверному выводу (для нас), но и изменить вообще весь ход развития какого-либо процесса. В таком случае, ни о каком абсолютном знании и речи идти не может. Но можем ли мы свести на нет такую погрешность и, наконец, с полной уверенностью удариться в гносеологический оптимизм? Вы, конечно, удивитесь, но я скажу – да. Но это «да» возможно только в том случае, если все процессы в этом мире *детерминированы*. При этом под *детерминированным* я понимаю такой процесс, в котором нет места никакой случайности. В том числе необусловленному ничем отклонению или взаимодействию (это к вышеозначенному примеру « ± 5 »). Если же абсолютной детерминации нет, то, как ни крути, мы никогда не сможем узнать Последнюю Истину; всегда будет вероятность неких отклонений: флуктуирует, флуктуирует, потом как ударится в бифуркацию и весь аттрактор насмарку! Обидно? Ну да не расстраивайтесь, это всё пустообрёхство; детерминизм спасёт мир.

Нам важно само развитие, ход любого процесса, а потому речь будет идти о детерминизме причинном, уже из которого со всей логичностью и очевидностью проистекает детерминизм состояний и детерминизм функциональный; первый полностью определяет последний. Детерминизм же один – это *Лапласовский* детерминизм. Всё остальное – ложь, ибо, по сути, являет из себя *индетерминизм*. Его-то (Лапласовский детерминизм) мне и предстоит доказать. При этом, в рассмотрении вопроса детерминизма мы пройдем два этапа: этап доказательства и этап отражения выпадов. Последний этап *необходим*, иначе установившийся образ мысли даже не даст по-человечески задуматься над проблемой, да и (честно говоря) выговориться охота. Итак...

Доказывается детерминизм до безобразия просто: допустим $A \rightarrow a$ (не совсем корректно, конечно, зато наглядно), ну или $A+B+C+D \dots \rightarrow E$ – так говорит детерминизм. Т.е. одна лишь причинно-следственная связь, и ничего более. Что говорит индетерминизм? Что в преобразовании имеет место быть случайность. И раз уж мы пришли к выводу, что всякое взаимодействие есть взаимодействие количества, то, следовательно, индетерминизм говорит, что возможно случайное, не детерминированное, изменение количества: $A = a \pm v$. Вопрос: *откуда?!* Откуда здесь « v » – это отклонение, эта погрешность?! С потолка взялось? Не иначе. Так *индетерминизм в своей основе противоречит закону сохранения энергии*. Здесь какая-то величина берётся из неоткуда (без всякой причины) и так же забавно исчезает в никуда. Но, к счастью, никакой здравомыслящий индетерминист так думать не будет; «позвольте – скажет он мне, – а почему это $A \rightarrow a$, а не $A \pm B \rightarrow a \pm v$?» Да, если с самого первого мгновения жизни нашей вселенной самая первая «вещь» имела « \pm », то, конечно, определённые отклонения далее будут везде и всегда. *Но!* Погрешность имеет свойство накапливаться, причём накапливаться очень даже быстро, о чём, кстати сказать, ни один индетерминист даже не подумал. Пусть мы имеем процесс: $(A \pm 1\%) + (B \pm 3\%) + (C \pm 4\%) \rightarrow D \pm X$. Чему будет равен этот « X »? . Процесс идет далее $(B \pm 3\%) + (D \pm 5\%) \rightarrow E \pm 6\%$ (например, если B является условием) и т.д. Т.е. в данном случае,

уже через *несколько* преобразований такого рода конечное число будет $Z \pm 100\%$ (и далее). Если брать химию и брать те ориентировочные величины погрешностей, которые ныне имеют место быть, то получится реакция, в которой при добавлении неких реагентов данное вещество то будет образовываться в избытке, то его не будет вовсе. Мы уже через *несколько* таких «вливаний» получим величину концентрации мучаемого нами вещества с погрешностью \pm те же 100%. Т.е., мы вливаем что-то там, а вещества то в два раза больше, чем ожидалось, то его вообще нет при *абсолютно* тех же условиях. Но мы же такого не наблюдаем? Или даже вот, любимые Пригожиным «химические часы» – прямое подтверждение. Они могут работать сколь угодно долго, и погрешность там всегда остается *на одном и том же уровне*.

Хотя, да, это всего лишь уровень современных нам погрешностей. Чисто гипотетически эти погрешности могут быть столь малы (а, следовательно, могут накапливаться незаметно для нас), что мы их просто-напросто не видим. И пусть через многие миллионы лет если к 1 мл воды долить ещё 1 мл, то получится 100 мл, или наоборот 0,01 мл. Это будущее, мы же говорим о настоящем. Но что это за уровень? Что это за погрешности, о накоплении которых мы сейчас и *понятия* не имеем? В лучшем случае + многие миллионные доли процента. Если говорить о расстоянии, то здесь флуктуации будут никак не более чем на уровне (ориентировочно) 10^{-20} м. А сколько взаимодействий произошло во вселенной за всю её историю? Это уже будет число с далеко не одной тысячью нулей. И если погрешность накапливается (а это очевидно), то какова же была самая первая погрешность? Не возьмусь за расчёты (не настолько я силен в математике), но это явно будет число с *миллиардами* (не побоюсь этой цифры) нулей после запятой. Думаете, что нам от того? Ну, было такое крошечное отклонение, а почему бы ему, собственно говоря, не быть? Но вспомните принцип дискретности. Отклонение не может быть менее одной элементарной (наименьшей) величины. Или так, или ноль – т.е. отсутствие отклонения. Отсюда, раз уж в лучшем случае отклонение равно одной минимальной величине, то изначально размер (к *примеру*, размер) вселенной будет равен числу с теми же миллиардами нулей.

Поясняю. Допустим, имеется тысяча минимальных величин, чему здесь может быть равно минимальное отклонение (как относительная погрешность)? Очевидно, что в абсолютном значении – это одна минимальная величина. В относительном же: $1 / 1000 = 0,001$ или 0,1 %. А теперь обратная задача: если известно, что минимальная погрешность 0,01 %, сколько в наименьшем случае элементарных величин могут обладать такой погрешностью? Решение и ответ: $0,01 \% = 0,0001$; $1 / 0,0001 = 10000$. Как видите, совсем не сложно. Отсюда и выходит, что если минимальная погрешность равна 0,00... (миллиарды нулей) %, то и размер вселенной будет равен 100... (опять же миллиарды нулей) минимальных расстояний.

Эти многие, многие и многие триллиарды элементарных расстояний говорят нам о том, что изначальный размер вселенной был не так уж и мал, как кажется современным учёным. Т.е., чтобы утверждать индетерминизм, надо сказать, что в самое первое мгновение своей жизни вселенная *уже* обладала колоссальными размерами, иначе сейчас погрешность была бы слишком большой, и её накопление виделось и невооружённым глазом. Мы же ничего такого не видим. Но *изначально* гигантский размер вселенной явно противоречит современной космологии. Конечно, можно сказать, что космология не права (источник реликтового излучения, процесс образования новых галактик, то, что вселенная, в конце концов, разлетается – под всё это, с той или иной натяжкой, можно подпихнуть какие угодно причины), наука не права, правы только философы-индетерминисты, но... Не слишком ли опрометчиво, исходя из каких-то весьма сомнительных предпосылок, перечёркивать всю современную картину мироздания? Не кажется ли вам индетерминизм откровенно «притянутым за уши»? И, позвольте, мы говорим в духе современной науки или вновь хотим вылететь в метафизику? Я (детерминист) говорю на уровне *науки*; индетерминисты на уровне *метафизики*. Так кто же ближе к истине?

Иначе говоря, индетерминизм для своего существования полагает одно из трёх: 1) Закон сохранения энергии ложен; 2) Современная космология, астрономия и физика не верны; 3) Мироздание не дискретно. При утверждении первого перечёркивается вообще *вся* наука и наше знание о мире. При утверждении второго перечёркивается всё знание вышеозначенных наук. При утверждении третьего отрицается *сам факт* наличия бытия. А что нужно для детерминизма? Чему он противоречит? Ничего ему не нужно, ибо он едва ли не самоочевиден; ничему он не противоречит, ибо полностью укладывается в современную картину мира.

Бесспорно, это ещё не стопроцентное доказательство детерминизма; для индетерминизма ещё остаётся один шанс из тысячи, но *мы же говорим рационально!* Рационально же, научно значит – *детерминизм*. И я говорю *так*. Вы же, господа *метафизики*, *вне* этой области, и здесь вы говорить *не можете*. Тем ещё более возмутителен факт поголовного умопомешательства на индетерминизме, и он (этот факт) ничего приятного о современной философии не говорит.

Детерминизм *гораздо* больше похож на правду, да и вообще никаких минусов кроме «Ах!» не имеет. Что интересно, большинство индетерминистов признают наличие четких причинно-следственных связей, но для оправдания своего «лжемнения» хитренько вставляют различного рода «условия» («кондициональные причины») или уже упомянутые флуктуации (которые, как видим, не выдержали критики). Условия те – вообще штука презабавная. Те же Панин с Алексеевым утверждают следующее: «Необходимость всегда опосредуется определённым кругом условий, наличие или отсутствие которых не всегда определяется необходимостью». Как будто условие не имеет причины; как будто оно «с потолка взялось», а не было обусловлено теми же причинно-следственными связями. Хотя, да, признаётся, что причины и условия чётко разделить нельзя; зачастую условие может стать причиной, а причина условием. Т.е. в подавляющем большинстве случаев (а точнее *во всех*) практически невозможно разделить причину и условие (в тех же самых точках бифуркации доселе никудышное условие может стать наипервейшей причиной), однако, они все не только делятся, но и обладают *в корне* различными свойствами. Как такой плавный переход от причины к условию (и наоборот) может обернуться такими кардинальными изменениями – непонятно. Так же непонятно, почему в моменты плавного развития все процессы в системе строго детерминированы, а в моменты «важных» преобразований становятся стохастическими. Где эта чёткая и ясная (а иначе невозможно) граница между «обыденностью» и «изменением» – неизвестно. Да и как будто причина – это только специфицирующая причина, а кондициональные *причины* – это так, не причина, а нечто такое... И вообще, все эти *условные, плавные* переходы, влекущие за собой глубочайшие качественные изменения – глупость и нелепица; такого не может быть в принципе, ибо всегда должна быть какая-то «точка перескока», наличие которой, в то же время, сразу же сведет на нет любую подобную теория (*четкая* точка, если учесть ранее сказанное, есть *уже* детерминизм).

Теперь к критике. Что же говорят индетерминисты? В пользу их точки зрения выступают три основных положения, которые мы сейчас и опровергнем.

Первое. «А почему же тогда мы не можем ничего точно описать?» Ну, это совсем просто: потому что не обладаем мы настолько глубоким знанием. *Мы и сейчас* ещё не значит, что такое не может быть достигнуто даже чисто гипотетически.

Второе. «Но процессы – то необратимы!» Тут сразу же хочется спросить: «И что?!» В этом плане мне очень «понравился» тот же Пригожин: детерминизм говорит (среди прочего), что всякие процессы обратимы, но есть и необратимые процессы → в природе детерминизма нет. Очень напоминает что-то вроде «Что больше: вот этот стол или вот эта табуретка? Но стол – то белый, а табуретка красная, следовательно, табуретка больше» (?!). Мне, например, совсем непонятно, какое собственно отношение имеет необратимость к детерминизму? Я вот уверен, что большая часть (если не вся) процессов необратима, но тем не менее, я являюсь неумоли-

мым детерминистом. Если трение преобразовалось в тепло, это совсем не значит, что тепло может обратно превратиться в трение; такое просто невозможно. Как будто, если нагреть тело трением, а затем его как-то хитро охладить, оно тут же начнёт метаться из стороны в сторону, лишь бы снова потереться. Однако, процесс трение \rightarrow тепло может быть и полностью детерминированным. Какая здесь вообще связь? Положение об обратимости есть *частное* «отпочкование» концепции детерминизма, не имеющее к последнему *никакого* прямого отношения. В конце концов, точно так же могут быть обратимы и стохастические процессы, только с определённой вероятностью (теоретически, конечно); в конце концов, нам может повезти, и всё так совпадёт, что система один в один повторит своё прошлое состояние. И что теперь? Индетерминизм тоже предполагает обратимость? Нелепость.

Обратимость – дело давно минувших дней; дело времён безраздельного господства механики Ньютона; но уже с появлением термодинамики или химии вся эта «обратимость» сошла на нет; о ней всерьёз уже никто не говорит. Вплоть до г-на Пригожина, который, раскритиковав то, что было раскритиковано чуть ли не двести лет назад, тем самым «опроверг» детерминизм. Повторяюсь: *обратимость никакого отношения к основам детерминизма не имеет*; это вещи, которые не только друг друга не обуславливают, но и запросто могут существовать сами по себе.

Третье. «А как же квантовая механика и в частности принцип Гейзенберга? Здесь же применимы только статистические описания». Самый популярный и самый веский довод. Ну да, использует квантовая механика сейчас статистический аппарат математики; ну да, использует успешно, а что ей ещё остается? За неимением-то лучшего. Но это ещё совсем не значит, что дальше статистики дело в принципе пойти не может. В конце концов, для более точного описания (или хотя бы более честного) даже макропроцессов, к которым применима классическая механика, мы должны пользоваться не иначе как статистикой, хотя и в основе своей классическая механика сугубо детерминистична. Так что, вся эта статистика ничего нам не доказывает, кроме того, что мы ещё очень мало знаем об окружающем нас мире.

Правда, принцип Гейзенберга неотвратимо убеждает нас именно в *неизбежности* индетерминизма. И это неравенство было бы абсолютно верным, если бы не одно «но». Напомню, что принцип неопределённости Гейзенберга – это $\Delta p \Delta x \geq \hbar/2$, где Δp – изменение импульса; Δx – изменение координаты; \hbar – постоянная Планка. Всё это означает, что если мы абсолютно точно знаем, например, импульс частиц ($\Delta p = 0$), мы ничего не знаем о её координатах ($\Delta x = \infty$) и наоборот. Теперь то самое «но». Это неравенство становится *неверным* при подстановке неких переменных куда следует (неважно каких и неважно куда). Не так давно эти переменные искали, но не нашли, из чего был сделан вывод, что принцип неопределённости Гейзенберга не подлежит никакому сомнению (?!). Как будто если мы сейчас не знаем этих переменных, мы не узнаем их завтра. Этот принцип верен лишь на уровне его логического вывода, и то при соблюдении ряда *предпосылок*. А что есть подтверждение истины? *Верификация*. Принцип же Гейзенберга *не* верифицируется. Практика в лучшем случае не опровергает его, но уж никак не *доказывает*. Так что и этот замечательный принцип, хотя и *намекает* на индетерминизм (и тем более на скептицизм), всё же ничего однозначного нам не говорит.

Что ж, это, пожалуй, все самые веские доводы против могучего и непоколебимого детерминизма. Сильно? *Как видите*, не очень. Детерминизм же, в отличие от индетерминизма не требует выдумок, «натягиваний» и *псевдоопровержений* противоположного, он не противоречит логике вещей и даже более того – *напрямую проистекает из неё*. Причинно-следственная связь (а иное невозможно) и закон сохранения энергии (иное также невозможно) – вот всё, что ему (детерминизму) нужно. Всё же иное – «от лукавого».

Почему тогда все так протестуют против детерминизма? О, здесь найти причины особого труда не составит. Кто говорит о детерминизме / индетерминизме? В 90% случаев философы. Кто есть философы? На те же 90% гуманисты, «свободофилы», альтруисты и проч. ... (обяза-

тельно неприличное слово). И что же тогда: «Как?! Всё предопределено?! Человек не творит свою судьбу?! У человека нет никакой свободы?! Ах!!! Да как вы смеете?!» Кто скажет, что причина не в этом, в того я первый брошу камень. Смешение науки и метафизики и есть индетерминизм. Причём не науки с примесью метафизики, а метафизики с намёком (не более) на науку. В действительности же мы имеем детерминизм. И, я надеюсь, всякому-непредвзятому это стало ясно как никогда ранее.

Гносеологический оптимизм

Так что же в итоге? Можем ли мы говорить об этом самом гносеологическом оптимизме на полном серьёзе? *Можем.*

И снова по пунктам.

Проблема первая: о существовании объективной действительности.

«Не-Я» есть? «Я» *обязательно* предлагает «Не-Я», ибо всякое, в том числе и «Я», познается не иначе как в сравнении; «Не-Я» есть субъективная действительность. Для перехода в объективную нужна конвенция. Как только принимаем ее, появляется *объективная действительность*, т.е. *объективная действительность существует*. А что если не принять эту конвенцию? Тогда же ведь мы всё так же ничего не можем сказать о реальности. Да, тогда не можем. И тогда никакого истинного (а истинное предполагает всеобщность) познания нет и быть не может? *Нет*. Тогда мы *не можем познать* нечто, а нам просто *нечего* познавать. Как в таком случае можно говорить о знании или незнании (а это всегда о чем-то), когда этого «что-то» нет? Значит мир не *непознаваем*, а мира просто-напросто *нет*, и вопрос теряет смысл, ибо *нельзя познать или не познать то, чего нет*. Всякое же решение подразумевает согласие (договор, конвенцию) о решаемом.

Проблема вторая. Но можем ли мы иметь хоть какое-то верное представление о мире?

Только что мы установили, что мир и есть наше общее «Не-Я». Вы же можете придумать меру и померить объекты этого «Не-Я»? Легко. Так почему же тогда мы не имеем никакого представления о действительности? Проще говоря: если мир есть, и мы об этом *знаем*, это *уже* взаимодействие, а значит познание. Следовательно, мир познаваем.

Проблема третья. Чем характеризуется «вещь-в-себе», и нет ли в ней чего такого, что непознаваемо в принципе?

Мы отчетливо видим качества вещи и можем смело говорить об их количественном базисе. Мы не видим никаких преобразований, кроме количественных (в т. ч. и предельные переходы). Следовательно, «вещь-в-себе» конституирует и описывает себя количественно. Но есть ли что-то еще? Кроме выдумок – *ничего*. Ничто иное не только не проявляет себя, но даже не предполагается ни в каких, даже самых смелых, логических построениях. А значит, говорить об этом нет никакого смысла; это «разговоры ни о чем». Возможно, когда-нибудь мы обнаружим сущность вещи (Почему нет? Вполне возможно), но это уже будет *практически* видимая сущность, а не пустое пустобрехство. И если будет так – тогда и поговорим. Пока же «вещь-в-себе» – это только количество.

Проблема четвертая. Но ведь количество бесконечно, а значит, абсолютная точность (абсолютная истина) никогда не могут быть достигнуты.

В природе нет «бесконечности», все величины *конечны* и *дискретны*, в противном случае само бытие было бы невозможно, количество же чего-то мы можем подсчитать *абсолютно точно*; это есть простой пересчет, доступный хоть третьекласснику (только нужен очень упорный и терпеливый мальчик, чтобы пересчитать все электроны во Вселенной). Значит, количественные характеристики «вещи-в-себе» (а иных и не существует) могут быть узнаны с абсолютной точностью.

Проблема пятая. А если процессы в этом мире не жестко детерминированы? Тогда от вероятностного описания нам никуда не деться, а это уже не есть абсолютная истина.

Да, но процессы-то *детерминированы*. Индетерминизм возможен только как *метафизика*. В противном случае (в случае индетерминизма), мы либо нарушаем закон сохранения энергии, либо нарушаем принцип накапливания погрешностей, либо вообще закрываем глаза на бытие, в то время как всё это *недопустимо*. Следовательно, *детерминизм есть единственно возможный способ организации мироздания*.

Достаточно? По-моему, да. Раз мир есть, «вещь-в-себе» проявляется нам и представляет собой количество, которое может быть узноано со 100% точностью, то *исчерпывающее абсолютное знание достижимо*. Подчеркну ещё раз – *достижимо*. Это не значит, что мы его обязательно достигнем (а вдруг мы завтра все выйдем?), а уж тем более не значит, что это случится через год-два. Очень даже может быть, что до таких высот мы никогда и не доползём, но, тем не менее, *теоретически* это возможно. Я не в коем случае не утверждаю, что в таком движении (приближении к истине) есть смысл жизни человечества, или что это нам просто-таки необходимо; к тому всё просто-напросто идет, ибо нам это удобно и выгодно.

На самом деле, решение этой величайшей гносеологической проблемы (о познаваемости действительности) крылось уже в самом утверждении скептицизма, который гласил, что представление об объекте ни в коей мере не соответствует самому объекту. Но, извините меня, представление об *объекте* уже подразумевает определенную связь с самим объектом (иначе, о ком мы представляем?) и вопрос лишь здесь в том, насколько точным может быть это представление. Однако многие-многие скептики эту связь упорно выкидывали (за ненадобностью), говоря, в таком случае, вообще *ни о чем*: о какой верности / неверности связи объекта и субъекта может идти речь, если этой связи вообще *нет*? Связь же, некая, она предполагалась всегда, пусть и с совершенно дикими выводами из того. Ну да ладно, оставим *ошибки* прошлого прошлому.

Теперь я сказал всё. Все доводы и доказательства иссякли. Что ж, ликуйте! Ликуйте, как никогда ранее. Ликуй и ты, читающий эти строки, ибо абсолютное знание стало *достижимым*! Доколе можно пребывать в унынии скептика и подобного ему фаллибалиста?! Взгляни на вещи *реально* и возрадуйся, ибо всё стало возможно, а невозможное сгинуло. Чувствуешь, как он кипит в тебе? Как он рвётся наружу? Он – оптимизм, неотвратимый *гносеологический оптимизм*.

Оправдание науки

Введение

Название говорит само за себя: философия науки и не более того. Соответственно, и будут *решаться* здесь именно философские вопросы науки, известные, пожалуй, всякому человеку, который хоть как-то разбирается в философии XX века.

Философия науки сейчас в моде; как ни прискорбно это осознавать. Почему прискорбно? Потому что данный род философии есть *паразит*; это отросток Великой философии, накрепко прилипшей к науке, который последней, за редчайшим исключением, ничего не дает. Знаете, как шавка, которая лает на слона: слон идет себе вперед уверенными десятиметровыми шагами, а вокруг него бегают эти шавки, путаясь в ногах Могучего слона, беспрестанно лая, что, мол, это он не идет, а ему только кажется, что не туда-то он путь держит; ничего-то он вкусного не найдет и т.д., а сама только знай подбегает слоновьи объедки (да тем и живет). Надеюсь, я никого не обидел? Философия науки всегда только и занималась, что превращала научные достижения в метафизику и брехологию, причем, выдавая оные за такую истину, до которой науке ещё расти и расти. И что мы имеем теперь? Покажите мне того *ученого*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.